

Этот святой человек любил Господа нашего всем сердцем и во всех своих поступках следовал его примеру. Это ясно из того факта, что, как Господь наш умер ради любви, которую Он испытывал к своему народу, так и король Людовик по той же причине не раз подвергал свою жизнь опасностям. Опасностям, которых он легко мог избежать, как я поведаю вам дальше.

Большая любовь, которую король Людовик испытывал к своим людям, видна из того, что он говорил, когда лежал смертельно больной в Фонтенбло, своему старшему сыну, моему господину Людовику. «Мой дорогой сын, – сказал он, – я убедительно прошу тебя добиться любви всего твоего народа. Потому что я предпочел бы иметь шотландца из Шотландии, который хорошо и справедливо правил бы королевством, чем видеть, как ты на глазах всего мира несправедливо правишь им». И более того, этот благородный король так истово любил правду, что, как я позже расскажу вам, никогда не шел на ложь даже по отношению к сарацинам из уважения к тем договорам, которые он заключал с ними.

Он был настолько умерен в своем питании, что я никогда, ни разу в жизни не слышал, чтобы он заказал для себя какое-то особое блюдо, что позволяют себе многие богатые и известные люди. Наоборот, он всегда ел с большим удовольствием все, что готовили его повара. Я никогда, ни одного раза не слышал, чтобы он о ком-то говорил плохо; также я никогда не слышал, чтобы он произносил имя дьявола – хотя оно широко употребляется по всему королевству, – поскольку его использование, в чем я не сомневаюсь, не нравится Господу.

Обычно он разбавлял свое вино водой, и делал это очень разумно, исходя из крепости напитка. Когда мы были на Кипре, он как-то спросил меня, почему я не разбавляю вино водой. Я ответил, что поступаю так по совету моих докторов, которые сказали, что у меня крепкая голова и надежный желудок, так что я не могу опьянеть. Он ответил, что врачи обманывали меня, потому что, если я в молодости не научусь разбавлять вино водой и захочу это делать в пожилом возрасте, то мной овладеют подагра, желудочные колики, и я никогда уже не буду в добром здравии. Более того, если я и в старости продолжу пить неразбавленное вино, то каждый вечер буду пьяным, а такое состояние нетерпимо для любого настоящего мужчины.

Как-то король спросил меня, хотел бы я пользоваться уважением в этом мире и после смерти попасть в рай. Я ответил ему, что да, хотел бы. «В таком случае, – сказал он, – ты должен сознательно избегать слов и действий, которые, стань они широко известны, заставили бы тебя устыдиться, когда пришлось бы признать – «Я сделал это» или «Я сказал это». Он также посоветовал мне не возражать и не ставить под сомнение то, что сказано в моем присутствии, – разве что молчание будет означать одобрение чего-то несправедливого или нести в себе угрозу для меня лично, потому что резкие слова часто ведут к ссорам, которые могут кончиться гибелью большого количества людей.

Он часто говорил, что должно одеваться и вести себя таким образом, чтобы зрелому человеку никогда не могли бы сказать, что он уделяет слишком много внимания одежде, а молодому человеку – что он слишком мало занимается ею. Я повторил это замечание нашему нынешнему королю, когда зашла речь об изысканной вышивке на плащах, которая сегодня в моде. Я сказал ему, что во время нашего путешествия за море я никогда не видел таких вышитых плащей ни на короле, ни на ком-либо еще. Он ответил мне, что у него есть несколько таких предметов одежды с вышитыми на них его гербами и что они обошлись ему в восемьсот парижских ливров. Он мог бы найти этим деньгам лучшее применение, сказал я ему, пожертвовав их Господу, и носить одежду из хорошей плотной тафты со своим гербом, как поступал его отец.

Как-то король Людовик, послав за мной, сказал: «У тебя такой острый и пронизательный ум, что я с трудом осмеливаюсь говорить с тобой на темы, касающиеся Господа. Так что я пригласил двух монахов, потому что хочу задать тебе вопрос. Поведай мне, сенешаль, – затем сказал он, – каково твое представление о Боге?» – «Ваше величество, – ответил я, – Он – нечто такое хорошее, что лучше и быть не может». – «Да, действительно, – сказал он, – ты дал мне очень хороший ответ; потому что точно такое же определение приведено в книге, которую я держу в руках. А теперь я спрошу тебя, – продолжил он, – что ты предпочитаешь: заболеть проказой или совершить смертный грех». И я, который никогда не лгал ему, ответил, что я скорее совершу тридцать смертных грехов, чем стану прокаженным. На следующий день, когда монахов тут больше не было, он призвал меня к себе, усадил у своих ног и сказал мне: «Почему ты вчера сказал это?» Я ответил ему, что и сейчас могу это повторить. «Ты говорил не думая, как дурак, – сказал он. – Ты должен понимать, что нет столь ужасной проказы, как находиться в состоянии смертного греха; в таком